

КТО ПОМНИТ МУЗЫКУ ГЛИЭРА?

*Кто помнит музыку Глиэра,
Ее тепло и мягкий свет?
Давно героя с нами нет,
Давно пришла другая эра.*
С.А.

Рейнгольд Морицевич Глиэр (1875-1956) принадлежал к поколению, которое еще застало великих классиков русской музыки. Быть похожим на классика — такую задачу ставил перед собой начинающий композитор, и в этом, а не в противопоставлении им, видел залог формирования собственной творческой индивидуальности. Возможно поэтому все созданное Глиэром вписывается в русскую классическую традицию.

Органичный для композитора традиционализм в новое, советское время совпал с партийно-правительственной установкой в области искусства, и Глиэр стал официально признанным мэтром советской музыки. Его постоянно исполняли, он занимал почетные должности, имел звания, правительственные награды, его творчество было включено в программы музыкальных учебных заведений. Но композитор отнюдь не стремился кому-либо угождать: он был верен русской классике изначально.

Рейнгольд Морицевич был человеком мудрым. Кажется, он все понимал, включая свое бессилие противостоять государственной машине зла. Будучи крупным музыкально-общественным деятелем в свое столь непростое время, он делал добро по мере сил и возможностей, поддерживал своим “государственным” музыкальным авторитетом младших современников.

Смерть Глиэра в 1956 году совпала с поворотным моментом в советской истории — XX партийным съездом, на котором был осужден культ личности. Стал восстанавливаться искусственно прерванный контакт с западной музыкальной культурой, были официально “реабилитированы” великие Прокофьев и Шостакович, также ряд других композиторов, смогли

заявить о себе молодые. В этой культурно-исторической ситуации музыка Глиэра становилась все менее актуальной. Она постепенно уходила из театров и концертных залов, с Радио и из студий грамзаписи, из программ музыкальных учебных заведений.

Некоторое оживление интереса к творчеству Глиэра было связано с его столетним юбилеем, который отмечался достаточно широко, а затем — с концом XX столетия. Во второй половине 90-х сочинения композитора снова нашли свою аудиторию, причем в США, Канаде, Англии, Германии, Австрии были выпущены диски, на которых записаны сюиты из балетов “Красный мак” и “Медный всадник”, все четыре концерта (для голоса, арфы, валторны, виолончели), три симфонии, фрагменты “восточных” сочинений — “Шах-Сенем”, “Гюльсара”, “Ферганский праздник”, а также камерные произведения.

В современной России сочинения Глиэра исполняются нечасто. Можно отметить серии камерных музыкальных вечеров в маленьких залах музеев Москвы и Подмосковья. Почти все эти концерты организуются по личной инициативе старшим научным сотрудником Музея музыкальной культуры имени Глинки Наталией Востоковой и внучкой композитора Сэнтон Глиэр, которая и финансирует эти концерты из своих скромных средств. Во Владимире в мае 2001 года был дан буквально концерт концертов: в один вечер были исполнены все четыре концерта Глиэра — для арфы с оркестром, для валторны, для виолончели и для голоса. Исполнителями явились Владимирский губернский симфонический оркестр под руководством Артема Маркина и солисты: Ксения Эрдели младшая — внучатая племянница и тезка непревзойденной арфистки, которой композитор посвятил свое сочинение; валторнист Глеб Карпушкин, виолончелист Кирилл Родин, солистка Большого театра Галина Бойко.

Главное впечатление — абсолютное господство мягкой, светлой, мажорной лирической музыки, близкой по характеру балетным адажио. Иногда кажется, что светлая ностальгическая лирика исчерпывает содержание музыки Глиэра, однако у него немало сочинений эпического плана. Вспоминается Третья симфония “Илья Муромец”, посвященная Глазунову: исполнивший ее в Америке Леопольд Стоковский назвал Глиэра Ильей Муромцем русской музыки. Своего рода эпическая кульминация в творчестве композитора — Гимн великому городу из “Медного всадника”, который знает вся страна. У Глиэра много “ориентали”. Это тоже характерная традиция рус-

ской музыки, опять-таки совпавшая с социальным заказом — установкой на развитие искусства народов СССР. Произведения такого рода — три “восточные” оперы композитора — “Шах-Сенем” (1925), “Лейли и Меджнун” (1940), “Гюльсара” (1949), которым предшествовал созданный в 1927 году первый “политически ангажированный” советский балет “Красный мак”.

Возвращаясь к личности Глиэра, хочется задать вопрос: почему художник, переживший

две мировые войны, революцию и ужасы войны гражданской, времена сталинских репрессий и, вероятно, знавший о ГУЛАГе, игнорировал это в своем творчестве? Почему в его музыке главенствует ностальгическая лирика? Может быть, он вообще не хотел принимать свое безнравственное время и ностальгия по XIX веку была для него, пусть пассивным, но протестом против настоящего? В одной из бесед композитор признался, что видит свою задачу не в том, чтобы обличать зло, а в том, чтобы поддерживать страждущих. Для Глиэра, оказавшегося в переродившейся тоталитарной России, такой поддержкой стала память об идеализированном прошлом. Его музыка несет в

мои сочинения находят отклик в душах исполнителей...

Москва, 01.05.1902

Я думаю за это лето очень много сделать. Знаете, как я раньше смотрел на лето? Как на сто дней, в которые я должен то-то и то-то сделать. Я не мог видеть, чтобы кто-нибудь работал больше меня. Знаете, у меня когда-то не было дней, пропадавших благодаря дороге: я занимался и в вагоне. Я в Киеве побуду до последних чисел августа, следовательно, у меня опять полных сто дней, и каждый день я могу писать, читать, играть, сколько душе угодно. Разве это не счастье?

Киев, 27.05.1902

Одна из целей, когда-то мной намеченных, была, между прочим, следующая: я решил себя сделать таким, чтобы при всяких неблагоприятных обстоятельствах мог бы себя чувствовать независимым. Я старался приобрести такое имущество, которое у меня никто из людей не мог бы отнять. Это имущество — знания. Я себе не могу представить, чтобы я когда-нибудь очутился в положении голодающего, у которого нет выхода. В крайнем случае буду писать пошлые пьесы и получать за них по 25 рублей...

Сонцовка Екатеринославской губернии, 08.08.1902

...Да, мой дорогой друг, я чувствую, что очень мало знаю, что очень мало делаю, что мне нужно переродиться. Я хочу, чтобы меня нельзя было узнать через несколько лет. Мне хочется вырасти умственно и развиваться так, как только в состоянии развиваться человеческая душа и ум. Есть только одно средство, чтобы этого достигнуть, — это труд.

Москва, 18.03.1902

Напишу Вам, что я считал раньше счастьем. Помню, что самые счастливые для меня минуты были те, когда я видел, что

Галина Алфеевская

Рос. муз. издательство - 2005 - № 1-2 (943 - февр.) С. 8